Дата поступления рукописи в редакцию: 09.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-181-188
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ЧИЖИКОВ Артур Дмитриевич,
студент 4 курса Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: mail@law-books.ru

БЕЛОБОРОДОВ Максим Владимирович,
кандидат экономических наук, доцент Базовой кафедры
конкурентного и предпринимательского права
Юридической Школы ДВФУ,
член научно-методического совета ФАС России,
e-mail: mail@law-books.ru

СТАТЬЯ 248.1 АПК: СПОРЫ С ПОДСАНКЦИОННЫМИ ЛИЦАМИ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу статьи 248.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, устанавливающей исключительную компетенцию российских арбитражных судов по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера. Актуальность исследования обусловлена беспрецедентным санкционным давлением на Российскую Федерацию и необходимостью обеспечения доступа подсанкционных лиц к правосудию. В работе исследованы правовая природа и условия применения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ, позволяющей перевести спор под юрисдикцию российского суда, несмотря на наличие арбитражной оговорки о передаче спора в иностранный суд или международный коммерческий арбитраж. На основе анализа доктринальных источников и судебной практики выделены два противоположных подхода к толкованию условия об ограничении доступа подсанкционных лиц к правосудию: расширительный, преобладающий в судебной практике, и ограничительный, предполагающий необходимость доказывания реальных препятствий в доступе к правосудию. Автором критически оценена правовая позиция Верховного Суда РФ, согласно которой сам по себе факт введения санкций является достаточным для применения данной нормы. Обоснована необходимость принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ, устанавливающего опровержимую презумпцию ограничения доступа к правосудию для подсанкционных лиц. Рассмотрено место ст. 248.1 АПК РФ в формирующемся межотраслевом институте контрсанкционного регулирования. Предложены пути совершенствования правоприменительной практики, направленные на обеспечение баланса интересов российских подсанкционных лиц и их иностранных контрагентов. Особое внимание уделено последствиям излишне широкого применения рассматриваемой нормы, включая риски осложнения договорных отношений с иностранными партнерами и снижения инвестиционной привлекательности российской юрисдикции. Сделан вывод о том, что эффективное применение ст. 248.1 АПК РФ возможно лишь при условии выработки судами единообразных критериев оценки наличия реальных препятствий в доступе к правосудию.*

Ключевые слова: *санкции, подсанкционные лица, международный коммерческий арбитраж, арбитражная оговорка, исключительная компетенция, ограничение доступа к правосудию, презумпция, контрсанкции, антисанкционное регулирование, судебный запрет.*

CHIZHIKOV Artur Dmitrievich,
4th-year student at the Law School
of the Far Eastern Federal University

BELOBORODOV Maxim Vladimirovich,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
at the Basic Department of Competition and Business Law,
Law School of the Far Eastern Federal University;
Member of the Scientific and Methodological Council
of the Federal Antimonopoly Service of Russia

COUNTER-SANCTION RESTRICTIONS IN PROCUREMENT AND TRANSACTIONS

Annotation. *Russian arbitration courts over disputes involving persons subject to restrictive measures. The relevance of the study is due to the unprecedented sanctions pressure on the Russian Federation and the need to ensure access to justice for sanctioned persons. The paper examines the legal nature and conditions for the application of Part 4 of Article 248.1 of the APC RF, which allows transferring a dispute to the jurisdiction of a Russian court despite the existence of an arbitration clause providing for the dispute to be referred to a foreign court or international commercial arbitration. Based on the analysis of doctrinal sources and judicial practice, two opposing approaches to interpreting the condition on restricting access to justice for sanctioned persons are identified: a broad approach, prevailing in judicial practice, and a restrictive approach, presupposing the need to prove actual obstacles in access to justice. The author critically assesses the legal position of the Supreme Court of the Russian Federation, according to which the mere fact of imposing sanctions is sufficient for the application of this rule. The necessity of adopting a Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation establishing a rebuttable presumption of restricted access to justice for sanctioned persons is substantiated. The place of Article 248.1 of the APC RF in the emerging intersectoral institution of counter-sanctions regulation is examined. Ways to improve law enforcement practice aimed at ensuring a balance of interests between Russian sanctioned persons and their foreign counterparties are proposed. Special attention is paid to the consequences of an overly broad application of the provision under consideration, including the risks of complicating contractual relations with foreign partners and reducing the investment attractiveness of the Russian jurisdiction. It is concluded that the effective application of Article 248.1 of the APC RF is possible only subject to the development by courts of uniform criteria for assessing the existence of real obstacles in access to justice.*

Key words: *sanctions, sanctioned persons, international commercial arbitration, arbitration clause, exclusive jurisdiction, restriction of access to justice, presumption, counter-sanctions, anti-sanction regulation, anti-suit injunction.*

Введение

В обстановке беспрецедентного санкционного давления, которое оказывается на Российскую Федерацию, ее граждан и организации со стороны недружественных стран и различных международных структур, вопросы обеспечения доступа к правосудию для субъектов, попавших под ограничительные меры, приобретают исключительную значимость. Как обоснованно указывает О.Ф. Засемкова, введенные против России односторонние ограничения существенно затронули сферу разрешения конфликтов, породив для отечественных участников оборота значительные трудности при попытках реализации ранее заключенных арбитражных соглашений [4, с. 76].

В качестве меры противодействия обозначенным проблемам был принят Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 171-ФЗ, которым Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации претерпел изменения, будучи снабжен новыми положениями, закрепленными в статьях 248.1 и 248.2 [6]. Указанные нормативные новеллы закрепили за российскими арбитражными судами исключительные полномочия по разрешению дел с участием субъектов, попавших под ограничительные меры, а также конфликтов, возникновение которых обусловлено санкциями, примененными в отношении российских лиц.

А.В. Габов, давая характеристику складывающейся системе антисанкционного регулирования, акцентирует внимание на необходимости четкого разделения двух категорий антисанкционных мер: ответных действий и мер, направленных на нивелирование негативных последствий от введенных ограничений [2, с. 120]. Статья 248.1 АПК РФ, вне всякого сомнения, относится ко второй группе, выполняя функцию инструмента, обеспечивающего процессуальные гарантии для российских лиц, оказавшихся в заведомо невыгодном положении в иностранных юрисдикциях.

Несмотря на очевидную социальную и экономическую востребованность рассматриваемой нормы, ее практическая реализация сопряжена с серьезными сложностями, порождающими активные дискуссии как в академической среде, так и в судейском сообществе.

Цель настоящего исследования заключается в проведении комплексного анализа правовой сущности и специфики применения части 4 статьи 248.1 АПК РФ, выявлении существующих доктринальных позиций относительно толкования условий ее использования и разработке предложений по оптимизации правоприменительной деятельности.

Материалы и методы

Методологический аппарат настоящего исследования представляет собой совокупность общенаучных и специально-юридических подходов к познанию. В процессе работы применялись диалектический метод, позволяющий исследовать положения ст. 248.1 АПК РФ в процессе их эволюции и практической реализации, системный подход, обеспечивающий изучение анализируемой нормы во взаимосвязи с иными элементами арбитражного процессуального и международного частного права.

Результаты

Положения статьи 248.1 АПК РФ были введены в действие Федеральным законом от 08.06.2020 № 171-ФЗ, которым арбитражным судам Российской Федерации предписано осуществлять рассмотрение дел с участием лиц, подвергшихся ограничительным мерам, в исключительном порядке [6]. Из материалов пояснительной записки к законопроекту усматривается, что главный вектор законодательной инициативы был направлен на реализацию права российских подсанкционных субъектов на полноценную судебную защиту, поскольку обращение в иностранные суды или в расположенные за рубежом международные арбитражные центры для таких лиц сопряжено со значительными трудностями, а подчас и вовсе недоступно [4, с. 78].

В.В. Ярков в своем исследовании обоснованно выделяет три системообразующих критерия, при одновременном наличии которых запускается механизм исключительной компетенции: критерий предметный, критерий субъектный и критерий, касающийся отсутствия альтернативного юрисдикционного порядка [10, с. 67]. Предметный критерий отсылает к категориям дел, поименованным в части 1 статьи 248.1 АПК РФ. Субъектный критерий предполагает участие в деле лиц, в отношении которых установлены ограничительные меры. Третий критерий, по сути, является процессуальным фильтром, исключающим параллельное разбирательство в иностранном суде или международном коммерческом арбитраже между теми же сторонами, по тому же предмету и основаниям.

Особую значимость для правоприменительной практики имеет часть 4 статьи 248.1 АПК РФ, которая расширяет сферу действия исключительной компетенции на случаи. Иными словами, законодатель в качестве юридического факта, влекущего изменение юрисдикции, рассматривает не сам факт наличия санкций, а именно их негативное воздействие на процессуальные возможности стороны.

О.Ф. Засемкова совершенно справедливо обращает внимание на то, что в доктрине и судебной практике сложилось две противоположные позиции относительно толкования указанного условия — расширительная и ограничительная [4, с. 78]. Расширительный подход, занявший доминирующее положение в судебных актах, исходит из презумпции: сам факт применения к российскому лицу санкций со стороны иностранного государства уже презюмирует наличие препятствий в доступе к правосудию. В.В. Ярков, поддерживая такой подход, полагает, что данное предположение является обоснованным в силу публичного и персонального характера санкций, однако подчеркивает, что данная презумпция носит опровержимый характер, и бремя ее опровержения возлагается на процессуального оппонента подсанкционного лица [10, с. 69].

Вместе с тем, ограничительный подход требует от суда более глубокого погружения в обстоятельства конкретного дела и возлагает на подсанкционное лицо обязанность доказать, что примененные меры действительно ограничивают его доступ к правосудию, а не носят сугубо репутационный или формальный характер. О.Ф. Засемкова резонно указывает, что при решении вопроса о применении данной нормы надлежит исходить из реального наличия или отсутствия у лица возможности реализовать право на судебную защиту в избранном сторонами форуме [3, с. 80].

Обобщение судебной практики позволяет констатировать, что арбитражные суды сформировали ряд устойчивых правовых позиций относительно применения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ. Так, в деле № А73-15265/2022 Арбитражный суд Дальневосточного округа прямо указал, что введение санкций со стороны недружественных государств является общеизвестным фактом, не требующим дополнительного подтверждения [8].

По делу № А56-57238/2020 суд округа признал наличие санкций со стороны США и Украины достаточным для передачи спора в российский суд, хотя местом арбитража был избран Стокгольм, что, на наш взгляд, свидетельствует о приоритете материально-правовых последствий санкций над формальным местом рассмотрения спора [7].

Кроме того, судебная практика исходит из того, что для применения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ достаточно наличия не только персональных, но и секторальных санкций. Показательным является дело № А40-121362/22, где АО «Локо-Банк» обосновало свою позицию запретом на оказание банковских услуг и привлечение иностранных специалистов, введенным ЕС и Великобританией, и суд признал данные обстоятельства достаточ-

ными для установления исключительной компетенции российского суда, несмотря на отсутствие персональных санкций в отношении самого банка [9]. Весьма симптоматичным представляется также распространение действия ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ на случаи, когда санкции введены в отношении контролирующих лиц, а не самой стороны спора, что существенно расширяет субъектный состав потенциальных заявителей и ставит вопрос о пределах такой экстраполяции.

Таким образом, анализ приведенных норм и судебной практики позволяет прийти к выводу, что сложившийся в правоприменении расширительный подход, хотя и обеспечивает более высокий уровень защиты прав российских подсанкционных лиц, вместе с тем порождает риски необоснованного ограничения юрисдикционной автономии сторон и потенциально может негативно сказаться на инвестиционной привлекательности России как юрисдикции, а также привести к осложнению договорных отношений с иностранными контрагентами, которые могут усомниться в стабильности арбитражных оговорок и предсказуемости разрешения споров. В связи с этим представляется необходимым выработка судами кассационной инстанции и Верховным Судом РФ единообразных критериев, позволяющих дифференцированно подходить к оценке реальной степени ограничения доступа к правосудию в каждом конкретном случае, с тем чтобы обеспечить разумный баланс между защитой интересов подсанкционных лиц и сохранением доверия к российской судебной системе со стороны иностранных участников оборота.

Обсуждение

Следует прежде всего отметить, что сам по себе факт применения санкций далеко не во всех случаях создает непреодолимые преграды для судебной защиты. Как показывает практика, отдельные кредитные организации продолжают осуществлять переводы, регламенты многих арбитражных институтов содержат перечни арбитров из различных государств, включая нейтральные и дружественные России [4, с. 80].

В. В. Ярков занимает иную позицию, обосновывая присутствие в статье 248.1 АПК РФ опровержимого предположения о том, что применение ограничительных мер к российскому лицу автоматически влечет ограничение его доступа к правосудию в иностранном государстве [10, с. 69]. С точки зрения данного автора, подобная презумпция является логически обоснованной, поскольку ограничительные меры обладают двойственной природой: они носят как персональный, будучи обращенными к конкретному субъекту, так и публичный характер, поскольку имеют общеобязательную силу и опираются на авторитет государственной власти.

Вместе с тем В. В. Ярков особо подчеркивает, что сформулированная презумпция не является абсолютной и может быть опровергнута. На противоположную сторону возлагается обязанность представить убедительные доказательства, подтверждающие, что справедливое судебное разбирательство в отношении российского лица может быть обеспечено в полном объеме, включая беспрепятственное исполнение судебного решения и реальное получение присужденных сумм.

Практика опровержения данной презумпции, однако, остается крайне скудной. О. Ф. Засемкова отмечает, что примеров судебных актов, в которых суды последовали бы ограничительному подходу, чрезвычайно мало. Показательным исключением служит дело № А19-10204/2022, где суд Иркутской области отказался от формального применения нормы и детально исследовал вопрос о наличии фактических преград для доступа к правосудию в Арбитраже Торговой палаты г. Стокгольма, придя в итоге к выводу о неприменимости ст. 248.1 АПК РФ [7].

Резюмируя изложенное, следует признать, что дискуссия между сторонниками расширительного и ограничительного подходов отражает более глубокую проблему — поиск разумного баланса между безусловной необходимостью защиты прав российских подсанкционных лиц и сохранением предсказуемости международного коммерческого оборота. Представляется, что наиболее перспективным направлением развития правоприменительной практики является выработка судами критериев, позволяющих дифференцированно оценивать степень реального ограничения доступа к правосудию в каждом конкретном случае, с тем чтобы исключить как необоснованные отказы в защите, так и неоправданное расширение исключительной компетенции российских судов за счет произвольного толкования условий ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ.

Я.С. Бутакова рассматривает контрсанкции как формирующийся межотраслевой институт российского права, находящийся на стыке частного и публичного права [1, с. 76]. Анализируя складывающееся контрсанкционное регулирование РФ, автор приходит к выводу, что «контрсанкции» уже не являются разрозненным набором норм в рамках различных отраслей права, а приобрели качество института права, объединяющего группу правовых норм публичного и частного права и регулирующего деятельность органов власти и частных лиц в сфере действия отношений «с санкционным элементом» (Бутакова, 2023, с. 79).

В данном контексте ст. 248.1 АПК РФ выступает одним из важнейших элементов указанного межотраслевого института, обеспечивая процессуальные гарантии для подсанкционных лиц. При

этом необходимо отметить, что институт контрсанкционного регулирования находится в стадии формирования, что обуславливает недостаточную системность и непоследовательность отдельных его элементов, включая и рассматриваемую норму.

М. А. Мусалов и П. Х. Магомедалиева, исследуя реформирование процессуального права в эпоху санкций, отмечают, что отечественное процессуальное цивилистическое законодательство не знало о таком институте, как судебный запрет на рассмотрение дела зарубежными судами, до принятия Федерального закона от 08.06.2020 № 171-ФЗ [5, с. 148]. Авторы обращают внимание на критику указанного закона, в частности, на неясность понятия «меры ограничительного характера, препятствующие доступу к правосудию», а также на возможные отрицательные последствия для международного сотрудничества в сфере экономики и ущерб инвестиционному климату.

Практические сложности реализации международного арбитража в условиях санкций

В отдельной работе О. Ф. Засемкова подвергает систематизации практические трудности, возникающие при разрешении конфликтов с участием подсанкционных субъектов в международном коммерческом арбитраже. Исследователь выделяет три основные категории таких проблем, связанные соответственно с этапом возбуждения арбитражного производства, с процедурой самого разбирательства и, наконец, с приведением в исполнение вынесенного арбитражного акта [3, с. 137].

На стадии инициирования процесса, как отмечает автор, ключевыми препятствиями выступают: блокировка или существенное усложнение уплаты регистрационного и арбитражных сборов, обусловленная санкционными ограничениями в банковской сфере; объективные сложности в подборе иностранных юридических консультантов, готовых представлять интересы подсанкционного лица в условиях действующих запретов и рисков применения вторичных санкций; а также проблемы в формировании состава арбитража и привлечении экспертов, поскольку многие потенциальные арбитры и эксперты, опасаясь санкционных последствий для себя, отказываются от участия в подобных делах либо требуют получения индивидуальных разрешений.

Что касается самой процедуры арбитражного разбирательства, здесь О. Ф. Засемкова обращает внимание на такие аспекты, как невозможность или существенная затрудненность личного участия представителей и свидетелей подсанкционной стороны в заседаниях, проводимых в недружественных юрисдикциях, вследствие визовых ограничений и запретов на въезд. Кроме того, возникает реальная угроза затягивания процесса из-за необходимости прохождения дополнительных административных процедур, а также высок риск того, что арбитры, будучи гражданами государств, применяющих санкции, будут учитывать в своих решениях требования санкционного законодательства своих стран, что ставит под сомнение беспристрастность и независимость такого арбитража. Третья группа проблем касается исполнимости арбитражных решений: сохраняется значительная неопределенность относительно признания и приведения в исполнение в различных юрисдикциях решений, вынесенных в пользу подсанкционных лиц, что делает судебную защиту в подобных случаях практически иллюзорной.

А.В. Габов, обращаясь к более широкому контексту антисанкционного регулирования, фиксирует наличие терминологической разобщенности в обозначении как самих ограничительных мер, так и ответных действий. Подобное многообразие, по его мнению, отражает отсутствие устоявшихся доктринальных подходов в международном праве и создает дополнительные сложности для правоприменителя. В связи с этим А. В. Габов выдвигает предложение о разработке и принятии единого системообразующего законодательного акта, который закрепил бы основные принципы российской антисанкционной политики, унифицированную терминологию, а также четкий перечень целей и видов применяемых мер [2, с. 112].

О.Ф. Засемкова, в свою очередь, видит решение проблемы в принятии Пленумом Верховного Суда РФ специального постановления, которое разъяснило бы особенности применения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ. Она предлагает закрепить в таком постановлении опровержимую презумпцию, согласно которой введение иностранным государством ограничительных мер в отношении российского лица презюмирует наличие препятствий в доступе к правосудию, что дает основания для перевода спора под юрисдикцию российского суда. Такое разъяснение, по мнению автора, позволило бы обеспечить единообразие судебной практики и ограничить применение исключительной компетенции лишь теми ситуациями, где это действительно оправданно и необходимо для защиты прав подсанкционных субъектов. Особую значимость данный подход приобретает, как подчеркивает автор, в случаях, когда санкции введены государством, отличным от места арбитража, а также при наличии секторальных, а не персональных ограничений.

В.В. Ярков, развивая иной ракурс, акцентирует внимание на том, что для доказывания отсутствия реальных препятствий в доступе к правосудию в иностранной юрисдикции надлежит приме-

нять наиболее строгий стандарт доказывания, подкрепленный соответствующей судебной практикой данного иностранного государства. Автор перечисляет широкий круг негативных последствий санкций для российского лица, далеко не исчерпывающийся лишь невозможностью получить исполнение по судебному решению: в их число входят затруднения с получением въездных виз для участия в процессе, поиском иностранных адвокатов, оплатой судебных издержек, отправкой и получением процессуальных документов и многие иные практические сложности, которые в совокупности могут сделать судебную защиту недоступной de facto, даже если формально она не запрещена.

Обобщая изложенные позиции, следует признать, что каждая из них имеет рациональное зерно. Однако, на наш взгляд, наиболее перспективным представляется комплексный подход, предполагающий не просто декларативное установление презумпции, но и формирование четких критериев, позволяющих судам в каждом конкретном случае оценивать, насколько введенные санкции реально препятствуют доступу к правосудию, а не служат лишь формальным основанием для изменения юрисдикции. Такой подход позволил бы избежать как чрезмерного расширения исключительной компетенции российских судов, так и необоснованных отказов в защите прав подсанкционных лиц. Целесообразно также развивать практику использования альтернативных арбитражных институтов, расположенных в нейтральных юрисдикциях, и включать в контракты многоступенчатые оговорки, предусматривающие возможность замены арбитражного учреждения в случае введения санкций. Это позволит сохранить баланс интересов сторон и снизить неопределенность в международных коммерческих отношениях.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Положения статьи 248.1 АПК РФ занимают одно из центральных мест в складывающейся архитектуре отечественного антисанкционного законодательства, выступая процессуальным инструментом, призванным гарантировать российским гражданам и организациям, подвергшимся ограничительным мерам со стороны иностранных государств, реальную возможность судебной защиты своих нарушенных прав и законных интересов. Целеполагание законодателя, заложенное в данной норме, представляется безусловно оправданным и полностью согласуется с конституционно-правовыми предписаниями, в частности со статьей 46 Конституции РФ, гарантирующей каждому судебную защиту, которая не может быть поставлена в зависимость от политических решений иностранных государств.

Вместе с тем, как показал анализ судебной практики, реализация указанной цели наталкивается на серьезные препятствия, связанные с отсутствием единообразных подходов к определению того, какие именно обстоятельства могут быть признаны достаточными для констатации наличия препятствий в доступе к правосудию. Расширительное толкование, получившее доминирование в судебных актах, хотя и обеспечивает высокий уровень защиты для подсанкционных субъектов, порождает риски необоснованного ограничения свободы договора и принципа pacta sunt servanda, подрывая стабильность международных коммерческих связей. В связи с этим представляется необходимой дальнейшая конкретизация критериев применения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ на уровне официальных разъяснений высшей судебной инстанции, что позволит сбалансировать конституционно значимые ценности — право на судебную защиту и стабильность гражданского оборота.

Кроме того, полагаем, что эффективность рассматриваемой нормы может быть повышена за счет развития механизмов международного судебного сотрудничества. Это позволило бы не только обеспечить реальную исполнимость решений российских судов, но и снизить напряженность в международных экономических отношениях, создав предсказуемые условия для иностранных инвесторов, сохранивших деловые связи с Россией.

Вместе с тем, анализ доктринальных источников и судебной практики свидетельствует о наличии существенных проблем в правоприменении ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ, обусловленных несовершенством юридической техники, терминологической неопределенностью и противоречивыми подходами судов к толкованию условий ее применения. Преобладающий в судебной практике расширительный подход, согласно которому сам факт введения санкций является достаточным для перевода спора под юрисдикцию российского суда, создает риски произвольного применения данной нормы и нарушения баланса интересов сторон, включая иностранных контрагентов, рассчитывавших на разрешение спора в избранном ими форуме.

Представляется обоснованной позиция, согласно которой необходимым условием применения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ должно выступать установление реальных препятствий в доступе к правосудию, создаваемых примененными ограничительными мерами. В связи с этим заслуживает поддержки предложение о принятии постановления Пленума Верховного Суда РФ, содер-

жащего разъяснения особенностей применения данной нормы, в том числе устанавливающего опровержимую презумпцию ограничения доступа к правосудию для подсанкционных лиц, которая может быть опровергнута представлением доказательств отсутствия реальных препятствий.

При этом следует учитывать, что институт контрсанкционного регулирования находится в стадии становления, что обуславливает необходимость системного подхода к его развитию, включая гармонизацию терминологии, разграничение ответных мер и мер, направленных на устранение негативных последствий санкций, а также обеспечение баланса частных и публичных интересов. Только при соблюдении указанных условий ст. 248.1 АПК РФ сможет в полной мере реализовать свой потенциал как эффективный механизм защиты прав российских подсанкционных лиц, не создавая при этом необоснованных рисков для международного экономического сотрудничества и инвестиционного климата.

Список литературы:

[1] Бутакова Я. С. Контрсанкции как межотраслевой институт российского права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – №. 4 (55). – С. 72-80.

[2] Габов А. В. Антисанкционные меры в российском праве //Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2023. – Т. 18. – №. 3. – С. 96-141.

[3] Засемкова О. Ф. Международный арбитраж в условиях антироссийских санкций: вопросы, поставленные практикой //Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18. – №. 8 (153). – С. 135-147.

[4] Засемкова О. Ф. Особенности применения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ в спорах с участием подсанкционных лиц: вопросы, поставленные практикой //Вестник Университета имени ОЕ Кутафина. – 2023. – №. 9 (109). – С. 76-85.

[5] Мусалов М. А., Магомедалиева П. Х. Реформирование процессуального права: рассмотрение международных споров в эпоху санкций //Аграрное и земельное право. – 2022. – №. 9 (213). – С. 147-151.

[6] Определение Тринадцатого апелляционного арбитражного суда от 30.12.2021 по делу № А56-57238/2020 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS013&n=362931 (дата обращения: 27.06.2026).

[7] Определение Арбитражного суда Иркутской области от 17.01.2023 по делу № А19-10204/2022 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVS&n=125100 (дата обращения: 27.06.2026).

[8] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26.12.2022 по делу № А73-15265/2022 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ADV&n=128336 (дата обращения: 27.06.2026).

[9] Постановление Девятого апелляционного арбитражного суда от 27.02.2023 по делу № А40-121362/22 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=2424749 (дата обращения: 27.06.2026).

[10] Федеральный закон «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза» от 08.06.2020 N 171-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354472/?ysclid=mqzescadlp792383198 (дата обращения: 27.06.2026).

[11] Ярков В. В. Содержит ли статья 248.1 АПК РФ презумпцию ограничения процессуальных прав российских лиц в условиях санкций? // Российское право: образование, практика, наука. – 2023. – №. 3. – С. 65-73.

References:

[1] Butakova Ya. S. Counter-sanctions as an intersectoral institution of Russian law // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. - 2023. - No. 4 (55). - P. 72-80.

[2] Gabov A. V. Anti-sanction measures in Russian law // Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. - 2023. - Vol. 18. - No. 3. - P. 96-141.

[3] Zasemkova O. F. International arbitration in the context of anti-Russian sanctions: issues raised by practice // Current problems of Russian law. - 2023. - Vol. 18. - No. 8 (153). - P. 135-147.

[4] Zasemkova O. F. Features of the application of Part 4 of Art. 248.1 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation in disputes involving sanctioned persons: issues raised by practice // Bulletin of the OE Kutafin University. - 2023. - No. 9 (109). - P. 76-85.

[5] Musalov M. A., Magomedalieva P. Kh. Reforming procedural law: consideration of international disputes in the era of sanctions // Agrarian and land law. - 2022. - No. 9 (213). - P. 147-151.

[6] Determination of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated 30.12.2021 in case No. A56-57238/2020 // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=-doc&base=RAPS013&n=362931 (accessed on June 27, 2026).

[7] Determination of the Arbitration Court of the Irkutsk Region dated January 17, 2023 in case No. A19-10204/2022 // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=-doc&base=AVS&n=125100 (accessed on June 27, 2026).

[8] Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated December 26, 2022 in case No. A73-15265/2022 // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=-doc&base=ADV&n=128336 (accessed: June 27, 2026).

[9] Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated February 27, 2023, in case No. A40-121362/22 // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=-doc&base=MARB&n=2424749 (accessed: June 27, 2026).

[10] Federal Law “On Amendments to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation in Order to Protect the Rights of Individuals and Legal Entities in Connection with Restrictive Measures Introduced by a Foreign State, State Association and (or) Union and (or) State (Interstate) Institution of a Foreign State or State Association and (or) Union” dated 08.06.2020 N 171-FZ (latest revision) // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354472/?ysclid=mqzescadlp792383198 (date of access: 27.06.2026).

[11] Yarkov V.V. Does Article 248.1 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation Contain a Presumption of Restriction of the Procedural Rights of Russian Individuals Under Sanctions? //Russian law: education, practice, science. - 2023. - No. 3. - P. 65-73.

